

К гипотезе о ростовской библиотеке XIII века

Сравнительно небольшое число древних славянских рукописей XI—XIII вв., сохранившихся до нашего времени, не дает точного представления о количестве рукописей, обращавшихся в древности на Руси. Мало пополняют наши знания о распространении книг в то время и случайные летописные упоминания о рукописях или их почитателях. Наши представления о размерах рукописного богатства Руси XI—XIII вв. более или менее приближены. Однако никто не сомневается в том, что рукописей, обращавшихся в XI—XIII вв., было значительно больше того числа рукописей, которыми мы располагаем в настоящее время. Постигавшие страну бедствия, а позднее и равнодушие к старине привели к гибели рукописных богатств¹. Об этих богатствах можно судить на основании косвенных данных². Так, немало памятников XI—XIII вв. известно в более поздних списках XIV—XV вв. Большая начитанность авторов произведений XI—XIII вв. также свидетельствует о наличии большого количества памятников письменности, с которыми авторы были знакомы. Для истории русской культуры важен, однако, не только вопрос о том, сколько и каких рукописей обращалось в XI—XIII вв. Пожалуй, не менее интересным и значительным является и вопрос о том, где создавались и хранились рукописи, вопрос о центрах письменности и образованности. Точных данных о су-

¹ См.: Н. В. Волков. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI—XIV вв. и их указатель. «Памятники ОЛДП», СХХIII. СПб., 1897.

² См.: Б. В. Сапунов. Некоторые соображения о древнерусской книжности XI—XIII веков. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 314—332.

ществовании хранилищ-библиотек на Руси ранее XV в. мы не имеем. Особенное развитие они получили лишь в XVII в.³ Обычно рукописи хранились в монастырях, соборах, что было закреплено Студийским уставом⁴. Трудоемкий, дорогостоящий процесс создания рукописей⁵, а вследствие этого и высокие цены на них значительно затрудняли составление частных библиотек, которые для XI—XIII вв. явление крайне редкое. История Руси сохранила имена таких книголюбов, ценивших и собиравших рукописи, как князя Ярослав Мудрый (1019—1054 гг.), Святослав Ярославич (1027—1076 гг.), Всеволод Ярославич (ум. в 1093 г.), Святослав-Николай Давидович (Святоша) (ум. в 1142 г.), Константин Всеволодович (1216—1219 гг.), Владимир Василькович (1269—1288 гг.) и некоторые другие. Можно думать, что имена многих книголюбов и почитателей книг до нас не дошли. Поэтому даже незначительные сведения о древних рукописях или их собирателях представляют большой интерес.

Привлекают внимание слова летописца, повествующего под 1229 г. в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку о ростовском епископе Кирилле⁶: «... Кирилль богатъ зѣло кунами и селы и всемъ товаромъ и книгами и просто реци такъ бѣ богатъ всемъ какъ ни единъ епископъ быкъ в Суздальстѣи области»⁷. Среди других ценностей летописец, как видим, называет и книги. Однако остается неизвестным, было у Кирилла несколько книг или целое собрание, библиотека. По мнению А. И. Соболевского, он имел большую библиотеку⁸. Соболевскому, как известно, принадлежит и мысль о том, что «библиотека епископа Кирилла,

³ См.: Н. В. Волков. Указ. соч., стр. 8—9; Н. В. Здобнов. История русской библиографии до начала XX века. М., 1951, стр. 23 и т. д.

⁴ См.: Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1944, стр. 400.

⁵ См.: М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. «Ученые записки МГУ», вып. 99. М., стр. 181—182.

⁶ Монах Дмитриева монастыря в Суздале, впоследствии ростовский епископ Кирилл I, был поставлен епископом в 1216 г. В 1229 г. он возвратился в монастырь, там и умер в 1230 г. (см. «Иерархи Ростовско-Ярославской паствы в преемственном порядке с 992 года до настоящего времени». Ярославль, 1864, стр. 43—44).

⁷ ПСРЛ, т. I. СПб., 1846, стр. 192.

⁸ См.: А. И. Соболевский. Остатки библиотеки XIII века. «Библиограф», № 6-7, 1889, стр. 144—145; он же. Славяно-русская палеография. СПб., 1901, стр. 8.

кажется, единственная из древних, от которой мы имеем остатки»⁹. Уже в 1889 г. Соболевский намечает круг рукописей, которые, по его мнению, принадлежали или могли принадлежать Кириллу¹⁰. Так, Соболевский полагал, что на основании сохранившейся записи писца в Житии Нифонта 1219 г.¹¹ или фрагментов записи в Толковом апостоле 1220 г.¹² эти рукописи можно с полной достоверностью считать написанными по заказу Кирилла и принадлежавшими его библиотеке.

Обратив внимание на большой размер указанных рукописей, Соболевский далее пишет: «Это обстоятельство позволяет высказать предположение, что некоторые другие рукописи наших библиотек, без записей, писанные в лист очень большого размера и могущие быть относимы по палеографическим признакам — к началу XIII в., а по лингвистическим особенностям — к памятникам ростовским, также принадлежали к числу книг Кирилла»¹³. К таким рукописям он относит Успенский сборник XII в.¹⁴ и Златоструй XII в.¹⁵

В 1910 г. Соболевский считает возможным расширить круг рукописей, которые могли принадлежать Кириллу: «Сличение почерков может дать указания на сохранившиеся до нас книги из библиотеки Кирилла меньшего формата (по также в лист) из числа относящихся к XII—XIII вв.»¹⁶. Из таких рукописей он называет Пандекты Никона Черногорца¹⁷, Слово Ипполита¹⁸ и Учительное евангелие Константина Болгарского¹⁹.

Крупный лингвист-палеограф, много работавший с рукописями, Соболевский, по-видимому, имел серьезные

⁹ А. И. Соболевский. Остатки библиотеки XIII века. «Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии», XII. СПб., 1910, стр. 207.

¹⁰ А. И. Соболевский. Остатки библиотеки. . ., 1889, стр. 145.

¹¹ ГВЛ, ф. 304, № 35.

¹² ГИМ, Син. 7.

¹³ А. И. Соболевский. Остатки библиотеки. . ., 1889, стр. 145.

¹⁴ ГИМ, Син. 1063/4.

¹⁵ ГПБ, Ф. I. 46.

¹⁶ А. И. Соболевский. Остатки библиотеки. . ., 1910, стр. 207.

¹⁷ Ярослав-Ростовский музей-заповедник, № 1 (6).

¹⁸ ГИМ, Чуд. 12.

¹⁹ ГИМ, Син. 262.

основания предполагать, что названные рукописи могут быть объединены. Его слова «принадлежали (разрядка наша. — В. Г.) к числу книг Кирилла», возможно, следует понимать не только в плане указания на одно и то же место хранения, но и на одно и то же место написания рукописей. Иначе Соболевский едва ли предложил бы для сравнительного анализа рукописей метод сличения почерков и сходство рукописей по внешнему виду (в 1° большего или меньшего формата), времени написания (XII—XIII вв.) и языку (ростовские)²⁰.

Итак, Соболевским поднят интересный вопрос о существовании в XII—XIII вв. на Руси довольно крупного центра письменности, развитие которого, вероятно, было прервано нашествием татар, а также предложен метод доказательства выдвинутой гипотезы. Однако до решения вопроса далеко: даже датированные и локализованные ростовские рукописи начала XIII в. не исследованы со стороны палеографии и языка²¹. Отсутствие материала лишает возможности проверить, состоятельна ли гипотеза Соболевского, т. е. дать ответ на вопросы: могли ли все эти рукописи или часть из них быть созданы в одном центре, мог ли быть им Ростов XII—XIII вв., имел ли к интересующим рукописям отношение еп. Кирилл и т. д. Затем, если определить время и место создания рукописей, которые не имеют записей с указанием данных такого рода, можно хотя бы в плане предположения, то решить вопрос, кто был заказчиком или владельцем этих рукописей, не имея достаточных на это оснований (записи, документальные сведения), нельзя, тем более

²⁰ В 1885 г. в статье «Источники для знакомства с древнекиевским говором» (ЖМНП, № 2, 1185; стр. 349—357) Соболевский высказал предположение, что Успенский сборник XII в., а также Слово Ипполита могут служить источниками для изучения древнекиевского говора. Однако впоследствии он, по-видимому, отказался от предположения относительно их киевского происхождения в пользу ростовского. Так, Успенский сборник Соболевский относит к ростовским памятникам уже в 1889 г. («Остатки библиотеки. . .», 1889, стр. 145), а Слово Ипполита — в 1910 г. («Остатки библиотеки. . .», 1910, стр. 207).

²¹ Можно назвать лишь работы К. И. Ходовой. См. «Из наблюдений над лексикой древнерусского списка «Жития Нифонта» 1219 г.» («Ученые записки Института славяноведения», т. 9, 1954) и канд. дисс. «Наблюдения в области словарного состава древнего славянского памятника («Житие Нифонта» в русском списке 1229 г.)», 1955.

что для Ростова начала XIII в. можно говорить о библиотеках двух таких просвещенных книжников, как князь Константин Всеволодович²² и еп. Кирилл, одновременное правление которых (Константин — светская власть, Кирилл — духовная власть) могло содействовать развитию письменности в Ростове того времени.

Настоящая статья не имеет целью обоснование гипотезы Соболевского относительно существования в Ростове XII—XIII вв. библиотеки. Однако вопрос, рассматриваемый в данной статье, имеет непосредственное отношение к этой гипотезе. Предположение Соболевского заинтересовало нас в связи с исследованием со стороны палеографии и языка недатированной и нелокализованной рукописи Слово Ипполита (ГИМ, Чуд. 12). Были просмотрены все указанные Соболевским рукописи, из которых особое внимание привлекла рукопись Учительного евангелия Константина Болгарского (ГИМ, Син. 262). Сравнительный анализ этих двух рукописей дал интересный материал, который не только необходим для датировки и локализации двух данных рукописей, но и может быть использован с накоплением новых данных в дальнейшем для проверки гипотезы Соболевского. Результаты этого анализа и составляют содержание статьи.

Уже первое знакомство с указанными рукописями дает возможность предположить, что в их написании принимал участие один и тот же писец²³. Палеографический анализ этих рукописей и детальное, по буквам, строчным, надстрочным знакам, а также по другим частным приметам, сличение почерков в обеих рукописях (основного почерка Чуд. 12 и почерка на лл. 13, 66—81, 82—82 об.,

²² См.: В. Н. Т а т и щ е в. История Российская с самых древнейших времен, кн. III. М., 1774, стр. 416; Н. М. К а р а м з и н. История государства Российского, т. III. Изд. 2. СПб., 1818, стр. 170; М. Т о л с т о й. Древние святые Рostова Великого. — ЧОИДР, год 3-й, № 2. М., 1847, стр. 6.

²³ Чуд. 12 рукопись писана двумя писцами, работавшими одновременно, друг за другом: 125 листов написаны одним писцом, второму писцу принадлежит лишь около двух листов, причем второй почерк встречается и в виде небольших вкраплений — лл. 74а; 81г4—15; 82а, б; 83а8—15, 83б; 97в, г. Почерк Син. 262 рукописи свидетельствует о том, что она писана несколькими писцами, которых было не менее трех. Работали они в одно время и друг за другом. Кое-где в один почерк вкраплен другой в размере страницы, столбца и даже нескольких строк. Писец, перу которого принадлежат три тетради (лл. 169—193), проставил свое имя: Мнѣхаль.

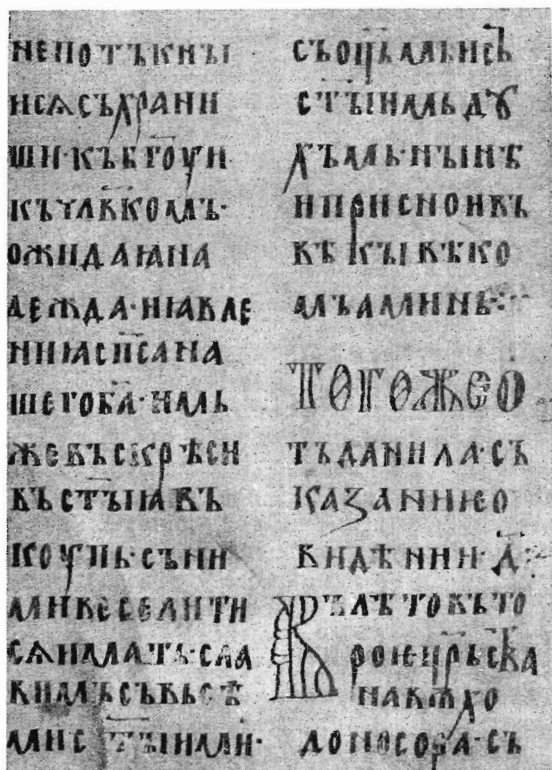

Рис. 1. Чудовская рукопись 12, л. 68 об.

83 об.—90 об. в Син. 262)²⁴ убеждают в правильности предположения (см. рис. 1, 2).

Рассматриваемый почерк²⁵ имеет ряд особенностей. Это более или менее свободный, крупный устав, буквы которого не теснят друг друга. Почерк крупный, особенно к концу письма, четкий, прямой, без наклона. Мачты букв перпендикулярны строке. Письмо лишено изящества: в нем преобладают толстые с нажимом линии, тон-

²⁴ В местах разрыва текст в объеме тетради или нескольких, целого листа, половины, восьмой его части написан иной рукой.

²⁵ Здесь и далее слова «рассматриваемый почерк» обозначают основной почерк Чуд. 12 и почерк на лл. 13, 66—81, 82—82об., 83 об.—90 об. Син. 262.

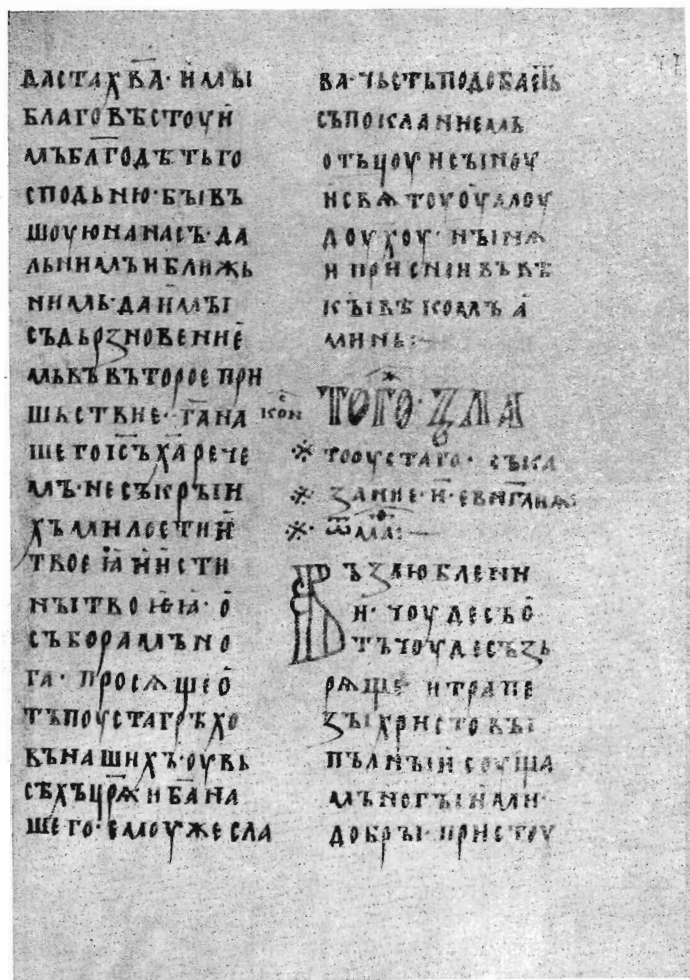

Рис. 2. Синодальная рукопись 262, л. 77

ких линий мало. Некрасивость почерка в отдельных местах усугубляется цветом чернил: густо-черные толстые линии букв делают его грубее. По сравнению с уставом XI в. буквы менее пропорциональны, однако дают характерное для XII в. соотношение ширины и высоты. Так, высота строчных букв достигает 5—7 мм, ширина —

5—10 мм. Соотношение ширины и высоты букв зависит также от их рисунка. Ширина таких букв, как п, н, н, в, б, г и т. д., несколько меньше их высоты. Что касается букв м, ш, ц, ж, w, то им свойственно преобладание ширины над высотой. Для буквы м эта диспропорция выдержана строго; в ц, ж, ш в начале письма она почти отсутствует, появляется в середине его и вновь исчезает к концу, где почерк становится более крупным. Для w диспропорция в соотношении ширины и высоты соблюдается последовательно, но в силу иных причин: w в свободном состоянии сравнительно редка, обычно употребляется в лигатуре Ѱ. Надписываемая над w буква т препятствует увеличению ее высоты, поэтому w редко доходит до верхней линии строки, в то время как соседние с ней буквы вписаны в строку.

Буквы стоят на строке. Над верхним уровнем строчных букв возвышаются лишь мачты декоративных букв т, ђ, њ²⁶, а также строчные буквы ђ и њ: в меньшей степени мачта ђ и в большей — усики њ. Ниже строки опускаются буквы: д, з, р, у, х, ц, ц, ф, џ, џ. Буква д уходит под строку лишь небольшими треугольничками на концах основания, лежащего на строке. Остальные буквы имеют очень длинные хвосты, опущенные далеко под строку, хвосты иногда заходят за буквы следующей строки. Длина хвоста у этих букв в 1,5—2 раза больше высоты обычной строчной буквы, это придает своеобразие рассматриваемому почерку.

Нельзя не отметить стремления писца украсить свое в целом старательное, но некрасивое письмо. Так, писец (правда, непоследовательно) перечеркивает перекладину буквы и хвост буквы у одной или двумя небольшими ресничками. Мачты некоторых строчных букв вверху, а иногда и внизу он ограничивает маленькими горизонтальными штрихами. Эта деталь тоже проведена непоследовательно. Более строго она выдержана лишь в киноварных заглавиях. Маленькие горизонтальные штрихи соприкасаются с мачтами букв обычно своей серединой. Чаще они сдвинуты несколько влево за мачту, которую пересекают, касаясь ее в этом случае лишь одним концом.

²⁶ Термин «декоративная буква» заимствован у В. Н. Щепкина («Учебник русской палеографии». М., 1918, стр. 100). Подробнее о декоративных буквах см. ниже.

Наконец, желание писца украсить письмо можно видеть и в употреблении им декоративных букв: т, ђ, љ, њ, как правило, в конце строки, хотя, конечно, они употребляются не только ради украшения почерка, но и в целях экономии места на строке, для того, чтобы одна буква не находила на другую или не лезла к ней. Декоративные буквы являются характерной особенностью рассматриваемого почерка. У больших, высотой в 1,5—2 строчные буквы, т, ђ, љ мачта вынесена над строкой на половину высоты обычной строчной буквы. Коромысло букв т, ђ и плечо љ идут параллельно строке. Декоративные т и ђ отличаются от обычных строчных т и ђ не только высотой мачты, но и рисунком коромысла. Оно представляет собой горизонтальную линию с опущенными вниз толстыми черточками по сторонам. При этом левое плечо коромысла не ограничивается вертикальной черточкой, как правое, а, пересекая ее, продолжается далее за черточку на расстояние, почти всегда равное ширине предшествующей буквы. Это делает декоративные буквы т и ђ более легкими и изящными. У декоративного љ конец перекладки чаще загнут кверху, чем опущен вниз. Это отмечал для древнейших рукописей Е. Карский²⁷. В остальном декоративное љ ничем, кроме размеров, не отличается от обычной строчной буквы љ. Помимо указанных букв большего размера, чем строчные, в описываемом почерке встречается еще буква њ, которая составлена из декоративного љ и десятиричного высотой со строчную букву.

Обратимся к наиболее выразительным строчным буквам, рисунок которых имеет индивидуальные особенности. Обе мачты буквы м немного наклонены внутрь к строке, особенно левая. Большая овальная петля лежит на строке, касаясь обеих мачт в их верхней и средней части. Левая мачта короче правой, немного не доходит до нижней линии строки.

Левая и правая части буквы к пишутся отдельно. Они далеко отстоят друг от друга и не связаны между собой. Левая часть буквы — вертикальная мачта, вписанная в строку, перпендикулярна строке; правая — согнутое коленце, имеющее вид молоточка.

²⁷ Е. Ф. Карский. Славянская Кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 203.

Головка буквы **z** небольшая, начинается утолщением, расположена на верхней линии строки, параллельно ее нижней линии. Длинная шейка буквы идет справа вниз налево, начинается от верхней линии строки и лишь немного не доходит до нижней ее линии. От шейки отходит сильно изогнутый хвост, опускаясь далеко под строку, идет с наклоном справа вниз налево. От того, насколько он приближается к нижней линии данной строки, зависит величина полуовала, образуемого хвостом буквы. В описываемом почерке обычно красивая буква **z** выглядит угловатой и острой.

Буква **ou** состоит из двух частей: первая — **o** — узкий вытянутый овал; вторая — **u**. Левая линия **u**, вписанная в строку, идет с небольшим наклоном слева вниз направо; первая — значительно длиннее, перпендикулярна строке, начинается утолщением, несколько закруглена в верхней части, уходит далеко под строку. Обе линии соединены, как правило, небольшой перемычкой, лежащей на нижней линии строки.

Буква **8** пишется одним движением руки. Обычно петля вписана в строку, нередко опускается чуть ниже. Усики буквы возвышаются над строкой не более чем на $\frac{1}{4}$ ее высоты, кончаются утолщениями.

Буква **ы** пишется только с буквой **ь**, горизонтальной линии между частями буквы нет.

Две наклонные мачты буквы **л**, пересекаясь, образуют шатер. Под шатром вместо маленького **т** с коромыслом, обычно разделенным ножкой на два равных плеча, буква **л** в данном почерке имеет видоизмененное **т**, у которого ножка сдвинута вправо к концу коромысла и образует с последним прямой угол. Вершина угла может касаться правой наклонной мачты, однако чаще не доходит до нее.

Петли буквы **к** имеют скорее вид треугольников, одной из сторон которых служит толстая дугообразная линия. Верхняя петля значительно меньше нижней. Петли, касаясь друг друга, не пересекаются.

Как правило, узкая головка буквы **р** или вписана в строку, или, что чаще, не доходит до нижней линии. Нижняя часть головки имеет некоторый излом, менее овальная, чем верхняя, чаще заострена. Ножка буквы опускается далеко под строку и несколько изогнута под строкой: вогнутой частью обращена к началу строки.

Буква **х** состоит из двух пересекающихся линий, обеими линиями выходит под строку. Линия, идущая справа вниз налево, намного длиннее и тоньше второй, начинается утолщением, несколько закруглена в своей верхней части. В месте пересечения линий всегда имеется затек.

Полуовал букв **е**, **с** и овал буквы **о** мало изогнуты, отчего эти буквы кажутся узкими, вытянутыми вверх. Верхняя часть полуовала **е** и **с** загнута более плавно, чем нижняя, которая заканчивается почти острым углом. Язычок у **е** параллелен строке, представляет собой прямую черточку, чаще без утолщения на конце, за концы полуовала не выходит.

Буква **ш** встретилась только в виде лигатуры. Хвосты букв **ш** и **щ** всегда перпендикулярны строке, никогда не стоят на ней, а опущены далеко под строку. Средняя мачта у **ш**, как и две другие, вписана в строку. Вертикальные линии букв **ш**, **щ**, **ц** значительно толще горизонтальных.

Буква **т** имеет симметричное коромысло, параллельное линии строки. Оно ограничивается толстыми короткими вертикальными черточками, направленными вниз, перпендикулярно коромыслу. В лигатуре **Ѡ** сохранено начертание того же **т**, правда, несколько видоизмененного в силу его надстрочного употребления. Буква **т** в этом случае напоминает титло в виде горизонтальной линии, параллельной строке, с тремя опущенными вниз черточками.

Особый интерес представляет начертание буквы **у**, в котором ярко проявилась индивидуальная манера письма, отличающая данного писца. Наряду с более или менее симметричным начертанием этой буквы в рассматриваемом почерке употребляется одностороннее, напоминающее современное печатное **ч**. Таким образом, наблюдается мена трех видов **ч**: симметричного, асимметричного и одностороннего. Чрезвычайно показательны в этом отношении л. 15 (Чуд. 12) и л. 82 об. (Син. 262), где представлены все, возможные в данном почерке, начертания этой буквы. Говоря о начертании буквы **ч**, следует заметить, что верх этой буквы всегда имеет вид округлой неглубокой чаши, высота которой не превышает $\frac{1}{4}$ высоты буквы. Начертание **ч** с прямоугольной или треугольной чашечкой в исследуемом почерке не встретилось. Даже

у одностороннего ч чашечка непременно округлая, хотя и очень неглубокая. У симметричного у чашечка в основании делится ножкой буквы на равные части. Буква пишется в два приема: сначала чашечка, потом ножка. У ассиметричного ч ножка присоединяется не к середине чашечки, а несколько сдвинута вправо. Иногда это ч близко к одностороннему, правая сторона чашечки у него почти выпрямляется, как бы продолжая ножку вверх. В сокращениях, с выносом буквы под титло, ч, за редким исключением, одностороннее. Принимая во внимание сказанное, заметим, что буква ч, обычно имеющая, наряду с другими буквами и фактами, значение палеографической приметы при датировке рукописи, в данном случае теряет это качество в силу разнохарактерного начертания. И в то же время необычный для конца XII и даже XIII в. почерк буквы ч служит отличительной особенностью почерка, придает ему индивидуальность.

Из приведенного описания следует, что для рассматриваемого почерка особенно характерны начертания букв м, к, з, у, л, у и др. Отдельные элементы их рисунка позволяют узнать основного писца рукописи Чуд. 12 и на указанных выше листах Син. 262.

В описываемом почерке имеются буквы, в начертании которых отсутствуют яркие индивидуальные черты. Однако эти буквы важны в другом отношении: их рисунок, эволюционируя по векам, несет признаки времени, служит палеографической приметой.

Буква ђ своей мачтой почти не возвышается над верхней линией строки. Коромысло лежит на верхней линии строки, параллельно ее нижней линии. Концы коромысла загнуты, опущены вниз под прямым углом. Петля занимает $\frac{1}{3}$ высоты мачты.

Переключина букв н, к, ю соединяет середину левой вертикальной мачты с серединой правой мачты или овала о и переходит в язычок у к, который идет обычно параллельно или почти параллельно строке и оканчивается утолщением.

Переключина буквы и идет от середины левой вертикальной мачты, иногда — чуть выше ее середины, и соединяется с полуovalом а обычно несколько выше его середины. Таким образом, переключина чуть заметно приподнимается слева вверх направо.

Переключив буквы и уже заметно сократилась: начинается, отступая от вершины левой мачты на $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{5}$ ее высоты, и соединяется с правой мачтой в середине или немного выше.

Достаточно строго выдержано написание **w** с высокой серединой. Эта буква, разведенная, с сокращенной серединой, встречается крайне редко. Полуовалы и середина ее не выходят за верхнюю линию строки, чаще лишь приближаются к ней.

Буква **ж** пишется в три приема: вертикальная мачта и две изогнутые слева вниз направо и справа вниз налево линии, пересекающиеся на $\frac{1}{3}$ высоты от верха мачты. Часть буквы, выше точки их пересечения, меньше части, лежащей ниже ее. Буква **ж** носит, однако, еще симметричный характер.

Таким образом, начертание букв, способных выступать в роли палеографических примет, показывает, что данный почерк не старше второй половины XII в. Так, при древних начертаниях букв **ѣ**, **и**, **ю**, **w** находим уже несколько подвинуто вверх переключину у буквы **и**, немного сокращенную головку у буквы **ж**.

В целом буквы последовательно сохраняют древнейший вид. Анализ приемов письма, начертания букв показывает, что есть основания предполагать наличие одной и той же руки в Чуд. 12 и Син. 262. Сравнение почерков для установления их родства или тождества не может быть сведено только к анализу начертания букв, хотя результаты этого анализа и являются определяющими. В приемах начертания букв, в их рисунке более всего может проявиться индивидуальная манера даже писца-копииста. В то время, когда не было твердых норм орфографии, на графические приемы писца могли оказать большое влияние оригинал, традиция или школа письма, к которой писец принадлежал. Однако, несмотря на это, при суждении о тождественности сравниваемых почерков необходим анализ графических приемов, особенностей языка и т. п., ибо доказать близость или родство почерков можно, только располагая совокупностью главных и второстепенных признаков.

Приемы употребления букв на тех листах Чуд. 12 и Син. 262, где отмечен рассматриваемый почерк, в основном одинаковы. Так, четко разграничено употребление букв **а**, **я**, **ѡ**: **а** — в соответствии с **а** в начале слова

(в словах со старославянской огласовкой или иноязычных), после букв твердых согласных, а также мягких шипящих и **ц**; **а** — в соответствии с сочетанием *ja* в начале слова и слога; **л** — после букв мягких согласных, кроме шипящих и **ц**. Случаи мены букв **а**, **я**, **л** представлены весьма незначительным количеством примеров. Последовательно соблюдается различие в употреблении таких графических вариантов, как **оу** и **8**, **и** и **й**: **оу**, **и** — в середине строки, **8**, **й** — в конце строки. Строго дифференцировано употребление букв **ф** и **ѳ** — в соответствии с греч. **φ**, **ϑ** — в соответствии с греч. **ϑ**.

В рассматриваемом почерке наблюдается колебание в употреблении букв **к** и **є** (в соответствии с сочетанием *je* в начале слова и слога), **о** и **ω** (последняя чаще употребляется в предлоге-приставке **ѿ**), **оу** и **ю**, **о** и **є** после букв шипящих и **ц**.

Для описываемого почерка характерно малое количество и однообразие лигатур. Помимо предлога-приставки **ѿ**, употребляются только мачтовые лигатуры из декоративного **т** и строчного **в** и строчных **и** и **н**²⁸. Применяются они сравнительно редко в конце строки, и, надо полагать, из соображений главным образом экономии места. Декоративные буквы **т**, **ѳ**, **к**, **ы** обычно пишут в конце строки или в непосредственной близости к нему. Как исключение, декоративные **т**, **ѳ** возможны в начале и в середине строки, однако чаще в правках. Описываемый почерк отличается последовательным соблюдением правила конца строки на гласную букву, кроме немногих случаев употребления в конце строки букв **р** и **л**²⁹. Анализ надстрочных и строчных знаков тоже дает возможность предположить наличие в обеих рукописях одного и того же почерка. Из надстрочных знаков в рассматриваемом почерке употребляются титло, две точки (..) и значок в виде запятой, повернутой в обратную сторону (с)³⁰.

²⁸ Чуд. 12 не знает употребления лигатуры из строчных **и** и **н**.

²⁹ В Чуд. 12 это только **р**, **л**, восходящие к плавным из сочетаний типа **tǫrt*, **tǫlt* (см.: В. С. Голышенко. К вопросу о качестве плавного **н** корнях, восходящих к **tǫrt*, **tǫrt*, **tǫlt* в древнерусском языке XII—XIII вв. «Историческая грамматика и лексикология русского языка». М., 1962, стр. 20—28), в Син. 262 — и другие **р**, **л**.

³⁰ В Син. 262 в единичных случаях встречаем надстрочный значок в виде запятой — в абсолютном конце строки над буквой **р**, обоз-

При сокращениях применяются титла двух рисунков. Титло для сокращений без выноса буквы небольших размеров: длина его не более ширины двух строчных букв. Оно имеет вид прямой горизонтальной линии, параллельной строке, с концами, загнутыми вверх (слева) и вниз (справа). Титло изящное, писалось, по-видимому, в один прием. Утолщения на концах, вероятно, делались умелым поворотом пера, иногда совсем незаметны. Титло такого рисунка находим и над буквенным изображением чисел. В сокращениях с выносом буквы писец использует титло в виде двускатной кровли (\wedge), довольно больших размеров, длина его равна ширине трех-пяти строчных букв. Титло пишется в два приема, с отрывом руки. Иногда составляющие его черточки не соединяются, и тогда выносная буква пишется между ними. Нередко в роли одной из составляющих петлю черточек выступает хвост некоторых расположенных строкой выше букв, спускающихся иногда далеко под строку (например, ζ). В некоторых случаях правая черточка титла почти параллельна строке. Титло не пропускается в обоих типах сокращений — с выносом буквы и без выноса. В сокращении без титла встречается только слово **члѡкъ** и производные от него. Выносными выступают лишь буквы **с** и **ч**³¹. Без титла эти буквы не выносятся.

Отметим связанную с данным почерком непоследовательность в сокращении одних и тех же слов. Некоторые слова церковно-религиозного обихода передаются то в сокращенной, то в полной форме, в то время как во многих других древних рукописях эти слова обычно даются в традиционном сокращении.

Употребление остальных надстрочных знаков тоже дифференцировано. Так, две точки ставятся только над буквой $\bar{\imath}$ ³²; значок в виде повернутой в обратную сторону

начиающей звук ρ , восходящий к плавному из сочетания типа **tort*.

³¹ В Чуд. 12 на поле л. 119 со значком пропуска вынесено сокращенное слово, где под титлом стоит буква **к**, не отмеченная более как выносная ни разу. В Син. 262 над традиционными сокращениями в заглавиях статей вынесены буквы **ж** и **в**.

³² Исключение представляют случаи, когда над буквой стоит титло, например в слове $\bar{\imath}$ с. В Чуд. 12 этот знак возможен в единичных случаях и над $\bar{\imath}$ (в значении ижицы), над **к** и над **в**, где это **в** исправлено самим писцом из $\bar{\imath}$.

запятой встречаем над обеими или над одной, обычно второй, из двух смежных гласных букв ³³.

Из строчных знаков употребляются точка (на середине высоты строки) и знак, обозначающий конец абзаца, статьи или заглавия, состоящий из двух расположенных по вертикали, реже из трех и очень редко из четырех расположенных крестообразно точек с добавлением горизонтального штриха.

Знаки в виде креста или наверхья ђ, употребление которых не разграничено, указывают на пропуск в строке слова или группы слов. Место постановки этих знаков определено. Независимо от количества пропущенных слов они ставятся дважды: в междустрочье, над местом пропуска, и на поле, перед вынесенным словом или группой слов.

Приемы правки текста, как известно, зависят преимущественно от характера ошибки или описки. Выбор определенных приемов правки и последовательность их применения могут указывать на индивидуальную манеру писца и служить при установлении тождественности почерков одним из доказательств в пользу их родства. Анализируя работу писца над исправлением текста в обеих рукописях, необходимо отметить использование одних и тех же приемов правки пропущенных букв, слогов, слов, а также и других описок и ошибок. Обнаружив пропуск буквы, писец надписывает букву над строкой, а пропущенное слово или группу слов выносит с указанными выше значками на внешнее или нижнее поле. Ошибочно написанное писец стирает или довольно грубо выскабливает и уже поверх стертого пишет вновь букву или группу слов. Если ошибку или описку составляет буква, писец при исправлении иногда использует рисунок написанной буквы, добавляя к нему недостающие элементы. Так, если нужно заменить букву, ошибочно написанную вместо *л*, то, исправляя ошибку, писец рисует поверх ошибочной буквы жирной чертой

³³ Для Чуд. 12 можно говорить лишь об отдельных случаях применения этого знака, а в Син. 262 он расставлен довольно последовательно. Кроме того, во второй рукописи отмечены единичные случаи употребления знака в виде запятой, повернутой в обратную сторону, над *м*, а также в абсолютном конце строки и над буквой *л*, обозначающей звук *л*, который восходит к плавному из сочетаний типа **ьlt*.

а так, что наклонная линия а достигает вверху середины междустрочья и загибается крючком влево (ср., например, а из е на л. 107 об. в Чуд. 12 и а из н на л. 78 об. в Син. 262). Из приемов правки в данном случае наиболее показателен последний. Одни и те же приемы правки при устранении однотипных ошибок в Чуд. 12 и в Син. 262 указывают на то, что эти исправления могли быть произведены рукой одного писца.

Итак, анализ почерка, начертания и употребления букв, надстрочных и строчных знаков, приемов правки текста и т. п. в Чуд. 12 и Син. 262 свидетельствует, что в их написании принимал участие один и тот же писец. Что касается некоторых расхождений в графике сравниваемых рукописей (см. выше), то следует принять во внимание отсутствие в то время твердых норм графики и орфографии, что благоприятствовало влиянию оригинала³⁴. Эти незначительные расхождения в большинстве случаев могут быть возведены к оригиналу и, по всей вероятности, не связаны с различием говоров.

Анализ правописания и языка писца, принимавшего участие в создании рукописей Чуд. 12 и Син. 262, приводит к мысли, что сравниваемые части обеих рукописей написаны представителем одного говора. Для этого говора характерно: а) существование редуцированных љ и љ в качестве гласных звуков, отличных в сильном положении от гласных звуков полного образования о и е; б) наличие звука ё, отличного от е и і; в) изменение е в о перед твердыми согласными; г) различие безударных гласных неверхнего подъема; д) различие ч и ц; е) наличие твердых заднебных к, г, х и т. д. Эти особенности, как известно, принято считать характерными для ростово-суздальских говоров³⁵.

Участие одного и того же писца в написании данных рукописей позволяет предположить и общее место их создания. Для этого необходимо сравнить состав и нумерацию тетрадей, разлиновку, художественное оформление и внешний вид рукописей.

³⁴ См. единичные случаи употребления букв ж, љ в обеих сравниваемых рукописях.

³⁵ См.: Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка в его говорах. «Вестник МГУ», № 9, 1947, стр. 131.

Полная тетрадь в обеих рукописях имеет восемь листов. Пагинация каждой рукописи произведена потетрадно. Буквенный номер тетради — в правом верхнем углу ее первого листа.

Разлиновка произведена одинаково полистно и имеет следующий вид. Вертикальные линии, которых всегда четыре, идут через лист сверху донизу, образуя два столбца. Длина горизонтальных линий различна: обычно две сверху и две снизу или одна сверху и одна снизу пересекают весь лист, определяя, таким образом, длину столбцов и образуя два поля — верхнее и нижнее. Длина остальных горизонталей не превышает ширины столбца. Число горизонталей, включая и длинные, в каждой рукописи определено и зависит, очевидно, от размера листа: в Чуд. 12 их всегда 15, а в Син. 262 — 21. Таким образом, следует отметить наличие в разлиновке рукописей общей схемы. Значение сведений о составе тетрадей и разлиновки не следует преувеличивать, ибо если Чуд. 12 почти целиком написана одной рукой, что дает основание предполагать участие писца и в ее создании (не написании), то для Син. 262, где этим писцом написано всего лишь около четырех из 33 тетрадей, скорее всего следует предположить обратное.

Точное повторение инициалов, заставок, миниатюр в рукописи, как и следовало ожидать, отсутствует. Известно, что даже для сколько-нибудь опытного мастера, не копииста, не говоря уже об искусном золотописце, характерно большое разнообразие вариантов. Следовательно, при анализе инициалов имеют значение не повторяющиеся начертания, как при анализе почерка, а сходство деталей, украшающих каркас инициалов, стиль, характер используемых мотивов, иногда и место постановки инициалов. В Чуд. 12 имеется миниатюра, одна заставка, инициалы и заглавия, в Син. 262 имеется миниатюра, инициалы и заглавия статей. Заставок рукопись не имеет, однако на лл. 2 и 4 над киноварным заглавием для них оставлено место³⁶.

Простой, безыскусственный характер инициалов в Чуд. 12 позволяет думать, что они выполнены самим писцом. Наличие нескольких почерков при разнообразии

³⁶ На л. 2 проведены киноварью две вертикальные линии высотой в ширину одной строки. Они, по-видимому, намечают размер выемки для заставки «покоем» (П).

мотивов в инициалах Син. 262 склоняет к предположению, что в ее украшении участвовало несколько писцов³⁷. При этом можно думать, что каждый из писцов сам украсил свое письмо.

Инициалы в обеих рукописях стоят в начале статьи, расположены целиком на поле или так, что половина буквы остается в столбце, а другая — выходит на поле. Второй тип преобладает. Инициалы сравнительно небольшие по размеру, высотой от одной до трех строк. Все они даны двойным киноварным контуром, середина которого не заполнена краской, кроме инициала на л. 2 в Чуд. 12, где употреблена зеленая и коричневая краска. Инициалы в целом однотипны и безыскусственны, однако почти не повторяют друг друга. В основном это малоукрашенные или даже обычные уставные буквы большого размера. Наиболее сложные из них в Чуд. 12 дают две разновидности рисунка. У одних инициалов мачты перехвачены перемычками, имеют выступы, как правило, по внешней их линии; иногда — и по внутренней линии петель букв **к** и **б**; таким образом, мачты этих инициалов еще византийского стиля. У других двойной киноварный контур букв — мачта **к** (л. 105) и спинка **с** (л. 74 об.) — заполнен зигзагообразными уступчатыми линиями, образующими нечто вроде плетения. Косая перекладина инициала **н** на л. 8 об. повторяет тот же мотив зигзагообразной линии или прямоугольного жгута. В Син. 262 мотивы, используемые в инициалах, разнообразнее. Однако на интересующих нас лл. 66—90 об. отмечены инициалы лишь первого типа — с выступами и перемычками. Более сложные инициалы, особенно к концу этой рукописи, не нарушают единого стиля в оформлении указанных рукописей. Даже в несколько усложненном варианте этих инициалов повторяются в основном те же мотивы, которые отмечены в Чуд. 12.

Заглавия статей в обеих рукописях писаны киноварью той же рукой, что и текст, к которому они относятся. Первая строка их написана большими, вдвое крупнее строчных, буквами. Каждая буква этой строки дана двойным киноварным контуром, середина которого не запол-

³⁷ При сравнении художественных особенностей рукописей не можем ограничиться для Син. 262 только лл. 66—90 об. Во внимание принято художественное оформление обеих рукописей целиком.

нена краской. В следующих строках заглавия киноварные буквы имеют размер строчных букв и даны сплошной красной линией. В Син. 262 каждая строка заглавия слева ограничена небольшим, не превышающим высоты буквы, косым крестом, окруженным четырьмя точками.

Представление о художественном оформлении рукописей будет неполным, если не отметить особо наличие в каждой из них редкого для XI—XIII вв. портрета — миниатюры с изображением князя Бориса-Михаила Болгарского³⁸. Обе миниатюры сходны по композиции (фигура человека в рост под аркой, аналогичные в отношении композиции древнерусские миниатюры неизвестны) и в деталях (наружность, одежда, символы), а также одинаково расположены в рукописи: каждая занимает оборот листа, предшествующего тексту. Миниатюры различаются по мастерству выполнения. Рукописи близки в художественном отношении, оформление их выполнено в стиле одного времени и школы.

Сравниваемые рукописи сходны и по внешнему виду: большой формат листов, хорошего качества и выделки пергамен, широкие поля, крупный устав и т. п.

Результаты сравнительного анализа состава и нумерации тетрадей, разлиновки, художественного оформления, внешнего вида, свидетельствующие о сходстве этих рукописей, а также наличие в них руки одного и того же писца говорят за то, что обе рукописи могут быть объединены по месту происхождения, т. е. могли быть созданы в одном месте.

Анализ рукописей Чуд. 12 и Син. 262 со стороны палеографии, графики и языка показывает, во-первых, что в их написании принимал участие один писец, во-вторых, что обе рукописи могли быть созданы в одном месте, и в-третьих, что их, по всей вероятности, можно отнести к памятникам Ростово-Суздальской Руси XII—XIII вв. (Чуд. 12 написана скорее всего во второй половине XII в., а Син. 262 — не позднее первой трети XIII в.). Все это не противоречит гипотезе Соболевского, хотя и не позволяет еще утверждать, что сравниваемые рукописи принадлежали ростовской библиотеке еп. Кирилла.

³⁸ В. С. Г о л ы ш е н к о. К вопросу об изображении князя в рукописи XII в. «Проблемы источниковедения», т. VII. М., 1959, стр. 391—415.